

Исправление ошибки зачастую обходится в тысячи раз дороже, чем само проступление.

Сейчас Бай Циюй стоял на этом самом ветру, позволяя раскаянию, словно ледяной морской воде, хлестать себя по спине.

Его тошнило, желудок скрутило от невыносимого отвращения.

Затылок тоже ныл, боль доходила до онемения, став привычным спутником, будто на теле не осталось ни одного здорового участка.

Лишь спустя долгое время он смог вернуть себе дар речи и поведать ту историю, которую невозможно забыть — историю об экспедиции, что должна была стать прекрасным воспоминанием.

В конце июня 2019 года, в месячный перерыв между окончанием магистратуры и выходом на работу, Бай Циюй вместе с командой городских исследователей объездил все памятные места провинции Цилу.

Дикие предгорья Тайшаня, скрытые русла Хуанхэ... Среди них была и старая рыбацкая деревня в Лаошане, Циндао.

В те времена этот район входил в германскую концессию, и вся канализационная система была построена немцами на совесть — десятилетиями она не знала коррозии.

Эту цель предложил Ян Юйсэнь, старожил команды.

Он был местным, а его дальний дядя — инженером в строительном управлении времен германской оккупации. Каждый раз на семейных посиделках, захмелев, дядя заводил одну и ту же историю, в которую никто не верил.

История была проста: когда канализацию прокладывали к побережью, случилась беда.

В тот день, когда налетел необъяснимый тайфун, за одну ночь вымерла целая палатка рабочих — двадцать шесть человек, а также двое немецких архитекторов.

Выжил лишь один немец, который в ту ночь ушел в японский бордель. Он рассказывал, что на рассвете, возвращаясь пьяным, увидел, как нечто, похожее на черную гору, пожирало их.

Но тела были целы. Они просто были мертвы.

В подобный бред, конечно, никто не верил. Если начинали расспрашивать подробнее, немец начинал бредить, кричал о перевернутом мире, о демонах и конце света, окончательно лишившись рассудка.

Городское управление, полиция и посольство полмесяца вели расследование, но дело так и не раскрыли.

Немцы, славящиеся своей серьезностью и дотошностью, не смирились и вызвали из-за океана священников и медиумов, но и те потерпели крах.

В конце концов, именно дядя Ян Юйсэня нашел местного знахаря, который сумел утихомирить нечисть.

Но лишь утихомирить.

Дядя рассказывал, что никто не решился достраивать тот участок канализации, его просто залили бетоном, а кости так и остались там, став своего рода печатью, удерживающей зло.

На вопрос, где это находится, старик ответил вполне конкретно: нужно идти вдоль пустынного берега с каменными рифами, мимо ряда вилл, поднимаясь к лесу, пока не покажется гора, словно рассеченная клинком — у её подножия всё и спрятано.

Команда загорелась идеей. Городские исследования — это всегда риск, а без риска какой интерес? Собрав теплые и непромокаемые вещи, они отправились в путь.

Конечно, никакой горы-монстра они не нашли, как и замурованных тоннелей. Проползав три дня в мрачных и сырых недрах канализации, все были сильно разочарованы.

Однако на обратном пути им улыбнулась удача: они наткнулись на заброшенное бомбоубежище времен войны — дикое, не отмеченное ни в каких архивах. Эта находка окупала всю поездку.

Больше всего поразило то, что убежище, несмотря на долгий простой, отлично сохранилось: под слоем разросшихся лиан и сорняков скрывалась герметичная дверь толщиной в метр, не пропустившая внутрь ни капли влаги.

Внутри они нашли гильзы от патронов, оставленные японцами, всё еще крепкие каски, заплесневелые белые халаты, с десятков лозунгов на немецком, китайском и японском языках, а также приклеенные к стенам красные и желтые листы, похожие на даосские охранные грамоты... Множество старых вещей.

Группа пришла в восторг. Кто-то предлагал вызвать полицию, кто-то — сообщить в музей, но, обсудив всё, решили: это просто бесполезный бункер времен Второй мировой, место глухое, как достопримечательность — слишком далеко, как культурная ценность — ничего особенного. Кому это нужно?

Ян Юйсэнь предложил оставить всё как есть, ничего не трогать и сделать это их общим секретным местом, позволив ему и дальше спать в реке времени.

Все согласились и ушли.

Перед уходом Ян Юйсэнь, глядя на приклеенные к стене грамоты, никак не мог побороть искушение их сорвать, и остальным пришлось буквально оттаскивать его силой.

Он сделал на камеру два десятка снимков, и Бай Циюй, тоже заинтригованный, сфотографировал несколько раз.

Услышав это, бабушка Ло с беспокойным видом перебила его:

— Покажи мне эти фотографии.

— Мой старый телефон был в воде, сейчас я не могу их открыть, — ответил он и вдруг вспомнил: — Точно, мой телефон...

Пэй Шичжун, стоявший рядом, горько усмехнулся:

— Мы не нашли при тебе телефона. Когда будешь в безопасности, вернешься и поищешь.

Бай Циюй поспешно ответил, что это пустяки — хорошо, что вообще выжил.

— Впрочем, на компьютере есть резервная копия фотографий...

— Понятно, — бабушка Ло позвала Пэй Шичжуна. — Пусть Гуаньхэ сходит к нему домой за компьютером, пусть примет меры предосторожности.

— Слушаюсь.

Бай Циюй заволновался:

— Идти ко мне домой... это не подвергнет его опасности?

Бабушка Ло успокоила его:

— Не бойся. Бессмертный дух, что покровительствует парню Цинь, мастерски умеет скрываться и исцелять, с такой мелочью он справится.

Бай Циюй кивнул:

— Может, взять еще сменную одежду?

Бабушка Ло покачала головой:

— Не нужно, здесь всё есть. Если исчезнет слишком много вещей, это вызовет подозрения.

Цинь Гуаньхэ пришел довольно быстро.

Его лоб был плотно забинтован, ран не было видно, но Бай Циюй всё равно не мог отделаться от воспоминаний о том, как Мастер Цзинцзун отчитывал младшего духа, и чувствовал себя неловко.

Только сейчас он понял, насколько у Цинь-дима на самом деле крепкие нервы.

Он всё так же оставался холодным и отстраненным, опустив взгляд, спросил у Бай Циюя адрес и где лежит компьютер, голос его звучал ровно, без тени волнения.

После короткого разговора Бай Циюй почувствовал облегчение: воспринимать тот недавний урок с мирской точки зрения было бы лишь оскорблением.

Когда Цинь Гуаньхэ, забрав ключи, ушел, за окном вдруг раздался далекий колокольный звон — всего шесть ударов.

Только тогда Бай Циюй заметил, что в комнате стало совсем светло.

Сквозь двускатное мансардное окно проливался мягкий, жемчужно-белый свет, ложась на пол, ковры и серебристые волосы бабушки Ло, создавая вокруг неё золотистый ореол — священный, величественный и дарящий глубокое спокойствие.

— Уже шесть утра, — виновато произнес Бай Циюй. — Простите, это из-за меня вы все не спали всю ночь.

Бабушка Ло выглядела слегка утомленной, и от этого на сердце у Бай Циюя стало еще тяжелее.

Она ничего не ответила, лишь сказала:

— Поешь чего-нибудь, ты вымотался за ночь.

— Спасибо.

Пэй Шичжун вышел и вскоре вернулся с деревянным подносом.

Там были две миски супа сань.

Это особое блюдо Лучжуна: кипящий куриный бульон заливают в миску с пшеничными зернами и сырым яйцом, отчего всё мгновенно доходит до готовности.

Насыщенный аромат куриного бульона в сочетании с нежными яичными хлопьями и мягкими зернами пшеницы дарил густой, обволакивающий вкус.

Выпить такую миску холодным осенним утром, закусив жареным тестом или тушеными говяжьими потрохами — и весь день чувствуешь приятное тепло во всем теле.

После горячего супа Бай Циюй вздохнул:

— Я вырос на этом, обожаю этот вкус... Уэ-э!

Внезапно тошнота, которую удавалось подавлять голодом, нахлынула с удвоенной силой.

Желудок скрутило, к горлу подступила зловонная желчь. Не в силах сдержаться, он несколько раз сдавленно кашлянул и по указанию Пэй Шичжуна бросился в ванную.

В ярко освещенном помещении он включил кран на полную мощность, чтобы шум воды заглушил звуки его мучительной рвоты.

То, что мгновение назад казалось вкусным, превратилось в орудие пытки.

Желудок был пуст, выходила только зеленоватая желчь, но сводящее с ума головокружение не отступало.

После очередного приступа он заметил...

Из него вышла лужа черной, как смоль, жидкости.

Зловонная, вязкая, словно воплощение злобы, преследовавшей его в кошмарах.

Он поднял глаза на зеркало: в отражении жуткая черная жижа пульсировала в такт его дыханию, издавая неприятный чавкающий звук, будто слизняк, ползущий по траве.

В тот момент мир вокруг него закружился, в глазах зарябило, как на старом телевизоре, и он едва не рухнул.

Но прежде чем его тело ударилось об пол, чья-то длинная сильная рука подхватила его из пустоты, ласково похлопала по щеке и исчезла ровно в тот миг, когда он был готов закричать.

...Это Он... Он всё еще здесь?

Холод плитки просочился в спину, или, может, он не упал только потому, что прислонился к стене.

В смятении Бай Циюй услышал тревожный стук Пэй Шичжуна в дверь:

— Господин Бай, вы в порядке? Отзовитесь!

— Я... — Бай Циюй был настолько слаб, что едва мог говорить. — Я в порядке...

— Вам нужна помощь?

— Нет... — он крепко зажмурился, подавляя головокружение и позывы к рвоте. — Всё хорошо, я сейчас выйду.

Бай Циюй не хотел, чтобы кто-то видел его в таком жалком состоянии.

Проснуться обнаженным в чужой ванне — это уже было пределом его психической выносливости.

Ему стоило огромных усилий не думать о том, в каком постыдном и неприглядном виде его спасали.

...Они бросили его в ванну, потому что сочли его грязным?

Даже если взгляды Пэй Шичжуна, Цинь Гуаньхэ и бабушки Ло были мягкими и учтивыми, Бай Циюй всё равно чувствовал, что они видят его насквозь.

Видят, как он был унижен, как под угрозой монстра плавился в темных объятиях, теряя волю, видят его низменную сущность.

Отвечая на вопросы Пэй Шичжуна, он плескал водой в лицо.

В зеркале отразился человек с мрачным, неприветливым лицом, в глазах которого застыли оцепенение и усталость.

Это всё еще он?

С момента начала всех событий Бай Циюй давно не вглядывался в свое лицо.

Он растерянно моргнул, отражение повторило движение.

Капли воды стекали по густым ресницам, соскальзывая вниз в мертвенной тишине их взаимного взгляда...

— Господин Бай?

— Иду...

Он вытер лицо бумажным полотенцем, растер щеки, чтобы придать им хоть немного красок.

Как только он вышел, Пэй Шичжун тут же подошел к нему:

— Вы в порядке?

— Со мной всё хорошо, — Бай Циюй отвел взгляд. — Просто умылся.

Пэй Шичжун обеспокоенно добавил:

— Если что-то не так, пожалуйста, обязательно скажите.

— Хорошо...

Когда он снова сел на подушку, пришла госпожа Хань, по-видимому, чтобы доложить бабушке Ло о делах общины.

Бабушка Ло как раз закончила завтрак и, взяв платок из рук Пэй Шичжуна, неспешно вытерла губы и руки.

Госпожа Хань почтительно произнесла:

— Бабушка, паломники прислали подарки к Празднику середины осени. Господин Хо и господин Лю из Чжэцзяна, госпожа Ян из Хунани...

Она протянула список, называя имена людей со всей страны, и перечисляла дорогие подарки и деликатесы.

Бабушка Ло, подперев голову рукой, рассеянno кивнула:

— Преподнесите их Бессмертным духам. А этих двух крабов и чай высшего сорта отдайте отдельно Мастеру Цзинцзуну, он больше всего это любит.

Затем, словно что-то вспомнив, добавила:

— ...И передайте им, что фонари на девятый день девятого месяца уже готовы.

— Слушаюсь.

— Скоро Праздник середины осени и девятый день девятого месяца, подарков будет много, потрудись записать всё подробно, не ошибись.

Бабушка Ло наставляла:

— И еще, как получишь, сразу носи духам, не нужно каждый раз спрашивать меня. А после раздай дима, ученикам и младшим духам... Решай сама.

— Слушаюсь, — госпожа Хань четко ответила, бросила быстрый взгляд на Бай Циюя и продолжила: — Предыдущие посетители, бывший председатель группы Ваньин с супругой, отменили визит. Два повторных приема сегодня после обеда также перенесены.

У Бай Циюя защемило в носу — как не понять, что бабушка Ло освободила целый день, чтобы помочь ему.

Проведя с ней время, понимаешь, что бабушка Ло — как самая обычная добрая старушка, каких много на улицах, от неё исходит тепло и уют. Такое тепло могут излучать только по-настоящему добрые люди.

И в её присутствии Бай Циюй мог позволить себе быть слабым.

Госпожа Хань поклонилась и ушла по делам, а Бай Циюй не сдержал слез:

— Бабушка, я никогда не забуду, что вы спасли мне жизнь. Я не откажусь заплатить любую сумму за благоволия...

Бабушка Ло мягко перебила его:

— Не спеши.

— Я серьезно! У меня на сбережениях около ста тысяч, думаю, тысяч триста смогу занять у родственников, если не хватит, возьму кредит, прошу вас, спасите меня...

— Мирские дела — потом, когда всё закончится, — покачала головой бабушка Ло. — Ну, с вопросами всё, рассказывай про ту штуку, с которой столкнулся. Когда началось, как выглядит, какие симптомы...

Когда Бай Циюй, запинаясь, закончил рассказ, она задумчиво кивнула:

— Покажи мне затылок.

Бай Циюй повернулся и приподнял волосы.

Пэй Шичжун, стоявший рядом, невольно вскрикнул, но после тяжелого взгляда бабушки Ло поспешно прикрыл рот рукой и отошел.

Дело было не в плохой выдержке Пэй Шичжуна — состояние затылка Бай Циюя было слишком шокирующим.

С тех пор, как он в последний раз смотрел в зеркало, он не наблюдал за своим затылком, поэтому не осознавал, что теперь речь идет не просто об одной чешуйке.

Чешуйки, отливающие зловещим водным блеском, приобрели твердый, переливающийся металлический отлив.

Словно сплав редких металлов или перламутр высочайшего качества.

Каждая размером с крышку от бутылки, они расползались по обе стороны от позвоночника.

Всего девять штук, они симметрично и аккуратно покрывали большую часть кожи на затылке.

Еще страшнее было то, что на границе чешуек и здоровой кожи кожа тоже чернела и грубела.

Чешуя распространялась.

Впрочем... такое описание было не совсем точным. Если присмотреться, это были не столько чешуйки, сколько пугающе реалистичная «деревянная резьба».

На каждой из них виднелись следы «выветривания» и «отслоения», чего не могло быть у чешуи, долго находившейся в воде. Скорее, они напоминали текстуру старого дерева, растущего в сыром месте.

— Больно?

— Сейчас нет.

— У боли есть закономерность?

Бай Циюй неуверенно сказал:

— Кажется... болит сильнее всего, когда я сильно волнуюсь. Это такая тупая боль. В остальное время я её почти не чувствую.

Он горько усмехнулся:

— Когда впервые заметил, пытался содрать, но было слишком больно, словно кожу сдираешь.

Видя, что бабушка Ло долго молчит, Бай Циюй тревожно спросил:

— Как думаете, это можно убрать?

Вдруг он почувствовал странное прикосновение.

Бай Циюй невольно вздрогнул, и бабушка Ло тут же убрала руку.

— Что почувствовал?

— Только что? — переспросил Бай Циюй. — Ничего особенного, стало немного тепло.

— Насколько тепло?

— Ну... как будто просто коснулись рукой?

Бабушка Ло смотрела на горящую палочку благовоний, её лицо было мрачным.

Она вздохнула, воткнула палочку обратно в курильницу и велела Бай Циюю повернуться.

— Больше не нужно смотреть? — не понял он.

Бабушка Ло покачала головой.

— Может, стоит найти врача, сделать анестезию и вырезать это?

— Пока не устранен корень проблемы, никакие методы не помогут.

— Корень... это может быть та канализация в Циндао?

— Пока не могу сказать точно, подождем Гуаньхэ, — ответила бабушка Ло. — Я больше склоняюсь к тому, что проблема в доме, где ты живешь, или и в том, и в другом одновременно.

Бай Циюй горько усмехнулся:

— С того момента, как начали пропадать вещи, у меня появилось странное чувство, что дом живой...

— Хотя потом выяснилось, что мои первые... пропавшие вещи украл сосед, я всё равно не могу избавиться от этой мысли. Это звучит слишком абсурдно, да?

Бабушка Ло покачала головой и снова поправила благовония.

Её старые глаза резко дернулись, и лампа с семицветным стеклом на высоком алтаре вдруг ярко вспыхнула, напугав Бай Циюя.

Когда он снова посмотрел на бабушку Ло, она уже была другой — её охватила глубокая, таинственная и мрачная аура.

Это был дух.

Её голос изменился, стал хриплым, как шипение змеи, угрожающей врагу. Это было совсем не похоже на властную ауру Мастера Цзинцзуна, от этого веяло иным, жутким холодом. Бай Циюй предположил, что это другой дух.

— С древних времен... случаи, когда дом «оживал», были повсеместны, в этом нет ничего удивительного.

— Когда люди здесь, он послушно и прилежно ждет указаний. Но когда людей нет, почему бы ему не ожить и не пожить немного для себя?

— Эта земля, этот спящий гигант, столько лет безмолвно терпел...

В этих словах была какая-то мистическая отрешенность, но чем больше он думал, тем страннее это казалось — почему она заступает за дом?

В одно мгновение одержимость закончилась.

Бабушка Ло резко согнулась, а затем выгнулась назад — тело неестественно изогнулось под углом в 90 градусов, а потом взгляд прояснился.

Казалось, она не помнила, что только что произошло, и Бай Циюй не стал поднимать эту тему.

— Иронично... у того извращенца-вуайериста дома есть дух-покровитель.

Бабушка Ло заинтересовалась:

— Расскажи об этом человеке.

— Его зовут Фан Чэн, — Бай Циюй кратко рассказал о странных соседях с четвертого этажа и о том, как Сяо Юньэр познакомилась с ними.

Разговаривая, он преисполнился чувств, вспоминая Сяо Юньэр, и его глаза снова покраснели:

— ...Я никогда не забуду, что Сяо Юньэр и вы спасли мне жизнь.

К его удивлению, бабушка Ло нахмурилась:

— Невозможно. Та Белая Бессмертная действительно дух-покровитель, но её ученик — не Фан Чэн.

Бай Циюй задумался и понял:

— Может, потому что Фан Чэн не был искренен, и дух перешел к его сыну, Фан И?

Бабушка Ло сделала расчет, и её брови разгладились:

— Именно так.

В доме был дух-покровитель, и на всякий случай бабушка Ло потребовала данные всей семьи, но её лицо становилось всё мрачнее.

— Твои соседи не так просты... Слишком раннее наследование, угасающий Ян и краденая удача...

Первые два пункта были понятны — речь о Ли Сяоцзе и Фан И, но последние два Бай Циюй не понимал.

Даже если Фан Чэн — мерзкий гей, обманувший жену, это нельзя назвать угасанием.

Он называл себя старшим партнером аудиторской фирмы и постоянно задерживался на работе, значит, зарабатывал неплохо.

Бай Циюй вспомнил, как Ли Мэйгуй сплетничала, что эта семья жила в известном элитном районе Цзиндэ, а после банкротства вернулась в старое общежитие управления земли.

Еще он вспомнил, что давно не видел, как Фан Чэн покупает сигареты, всегда ходил Ли Сяоцзе, и как Фан Чэн изо всех сил пытался найти его, не боясь показаться извращенцем, лишь бы он вызвал полицию...

Тогда Фан Чэн объяснил, что потерял родословную и боялся гнева духа, но теперь, когда Сяо Юньэр благополучно перешла к Фан И, всё должно быть хорошо?

Так зачем же Фан Чэну так нужно было вызывать полицию?

— И еще, между тобой и этим Фан Чэном нет причинно-следственной связи.

Слова бабушки Ло прозвучали как гром, вырвав Бай Циюя из раздумий.

Нет связи — значит, их общение никак не повлияло на судьбы друг друга.

— Это невозможно! — выпалил Бай Циюй.

— Он украл мою одежду, из-за чего я стал подозрительным, решил, что с домом что-то не так, и захотел переехать... Если бы я не собрался переезжать, как бы меня нашел призрак?

Он посмотрел на бабушку Ло, надеясь услышать правду. Она пристально смотрела на дым благовоний:

— Ты уверен?

— В чем?

— Ты уверен, что одежду украл сосед?

— Уверен, — не раздумывая ответил Бай Циюй. — Я пришел к нему, Фан Чэн не отрицал. У этого мерзавца такая наглая морда, он всё оправдывался, что нашел её на земле, а не украл...

Стоп.

Бай Циюй открыл рот, внезапно осознав фундаментальное противоречие.

Он жил в западной квартире на пятом этаже, Фан Чэн — в восточной на четвертом, их балконы не находились друг под другом, а располагались по диагонали!

Расстояние по прямой — не менее шести метров.

А внешние блоки кондиционеров были установлены с другой стороны, так что на стене не было опоры — как Фан Чэн мог это украсть?

Задумавшись еще глубже, Бай Циюй вспомнил, что его балкон почти всегда закрыт — он боялся грязи, птичьего помета, даже для проветривания открывал только форточку с сеткой. Как одежда могла выпасть с балкона?

Может, Фан Чэн просто решил, что найденное белье принадлежит Бай Циюю, когда тот пришел с разборками, а вор — кто-то другой?

Чжан Ихэ?

Нет... Бай Циюй тут же покачал головой. Даже если у Чжан Ихэ были нечистые цели, ему не было нужды красть белье.

Тогда кто?

Ответ напрашивался сам собой.

Ключей от дома было два: один у него, другой у хозяина.

Вспоминая странные ночные жертвоприношения и фрукты, которые его заставили съесть, Бай Циюй снова ощутил в желудке острую, сжимающую боль.

— ...Почему я? — нос защипало. — Я... знаю, что у меня тяжелый характер, но я никогда не делал зла, почему всё это нашло меня?

— Если бы на всё был ответ «почему», мир не был бы таким сложным, — хрипло сказала бабушка Ло. — Иногда самые незаметные мысли приводят к величайшему злу. Как только ты захотел переехать, всё уже началось.

В полузабытьи Бай Циюй вспомнил слова Ли Таогэ.

Тогда он спросил, почему в мифах Ктулху люди сходят с ума, увидев монстра.

Ему казалось это нелогичным: такая подавляющая сила, никакой радости от завоевания, никакой личной вражды.

Ли Таогэ ответил так:

— Ты задумываешься, когда идешь, не раздавишь ли муравья? Перед рыбалкой ты можешь предугадать, какой именно неудачливый рыб попадется на крючок? Нет, и не можешь.

— Сами эти существа олицетворяют безумие, отчаяние и непознаваемое. Единственное, что сделали не так погибшие люди — это то, что вступили с ними в связь. Только и всего.

Затылок Бай Циюя снова начал гореть от боли.

Бабушка Ло говорила что-то еще, но всё звучало как невнятный гул.

Ему хотелось уйти.

Сбежать.

Это подавляющее всё вокруг удушье не давало мыслить здраво, не давало избавиться от отчаяния, которое впилося в него, как паразит, внушая, что он обречен.

Даже если физически он не чувствовал «использованности», душевный надлом не мог исчезнуть так быстро.

Зал был светлым и прозрачным, но никакой свет не мог осветить его изнутри.

Каждую секунду ему казалось, что он всё еще обнажен и за ним следят со всех сторон.

Он больше не смел смотреть в темноту, в каждой тени прятались Его глаза, следящие за каждым движением. Стоило ему хоть немного оступиться, как его снова схватят и вернут в кошмар.

Он смотрел на него.

Он никуда не уходил, он был прямо за его спиной, в его тени, за дверью, которая вот-вот должна была открыться...

Он боялся, что Он прилюдно и безжалостно заставит его подчиниться, и от одной мысли об этом ему хотелось умереть.

Но...

За высокими жертвенными столами, в мерцании бесчисленных свечей, три тысячи изваяний божеств взирали на людей сверху вниз — величественные и незыблемые.

Они ежесекундно напоминали Бай Циюю, что потомки Янь-ди и Хуан-ди всё ещё находятся под покровительством небожителей родной земли.

Не бойся.

Ты не одинок.

И он почувствовал, что, пожалуй, сможет продержаться ещё немного.

Бабушка Ло говорила, что, даже если у семьи с четвёртого этажа пока нет с ним кармической связи, стоит Сяо Юньэру вмешаться, как их жизненные пути переплетутся навсегда.

Бабушка Ло не стала вдаваться в подробности, лишь обронила, что с этой семьёй всё в порядке, и в случае необходимости к ним можно обратиться за помощью.

Как раз когда Бай Циюй собирался рассказать о кровавом преступлении в старом общежитии Управления земельных ресурсов, о котором он узнал от Ли Мэйгуй, в комнату внезапно вошла госпожа Хань.

Она влетела без стука, позабыв о своей привычной степенности и достоинстве, словно стряслось нечто ужасное.

Дурное предчувствие охватило Бай Циюя, сердце его тревожно сжалось.

Он услышал, как она выпалила скороговоркой:

— Симптомы у господина Лю Юсяня и его супруги, госпожи Чэнь Тин, вернулись! Чэнь Тин только что увезли в реанимацию. Их дети кое-как удерживают Лю Юсяня, но положение критическое...

— Лю Юсянь, Чэнь Тин... — Бабушка Ло быстро пересчитала что-то на пальцах. — Те двое, что выжили после коллективного самоубийства?

— Да, их нашли в том же самом месте, в лесном массиве Тяньчжуфэн. Они пытались перерезать друг другу горло. Если бы лесная полиция не подоспела вовремя, Чэнь Тин уже не спасли бы.

— Невозможно! — Взгляд бабушки Ло стал суровым. — Я лично проводила обряд очищения, как он мог не сработать? Принесли ли вы записи?

Госпожа Хань поспешно протянула два больших листа жёлтой бумаги — такие же, какими пользовался Цинь Гуаньхэ, исписанные непонятными мистическими символами.

Это были записи предыдущих сеансов.

Госпожа Хань пояснила:

— В прошлом месяце повторный осмотр Лю Юсяня проводил Дима. Он пришёл к выводу, что дух-мститель ушёл. Кроме того, его обследовали в отделении клинической психологии, заключив, что никаких психических отклонений нет. Может, в этот раз он столкнулся с чем-то другим?

Бабушка Ло устало вздохнула:

— Зло, что таится в тех местах... его невозможно осмыслить обычным разумом. Я отправляюсь немедленно.

Сказав это, она кивнула Бай Циюю:

— Ты промучился всю ночь, иди отдохни.

— Вы уезжаете? — Бай Циюй невольно повысил голос от изумления. — Нет, вы не можете просто бросить меня так...

Госпожа Хань попыталась его успокоить:

— Господин Лю одержим, его жизнь висит на волоске. Надеюсь на ваше понимание.

Если бабушку Ло увести...

Оно уже разъярено, и последствия для него будут немыслимы.

Крупные слёзы покатались по щекам Бай Циюя:

— Но ведь я обратился первым! Я тоже не хочу умирать! Не оставляйте меня одного, я умру, я правда умру!

Однако, как и сказала госпожа Хань, паломник по фамилии Лю находился в смертельной опасности, в то время как Бай Циюй был в относительной безопасности. И с точки зрения логики, и с точки зрения чувств, приоритет был не на его стороне.

Он крепко сжал зубы, чтобы не издать всхлипа, и во рту почувствовал солоноватый привкус крови.

Происшествие случилось именно в этот момент, уводя бабушку Ло прочь... может ли это быть простым совпадением?

<http://bllate.org/book/18696/1806996>